
Н. Н. РОЗОВ

Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей

История средневековых русских библиотек в настоящее время не привлекает внимания специалистов — историков русской книги и библиотечного дела в нашей стране. Специальных исследований на эти темы не появлялось уже очень давно, а в вышедших в последние годы учебниках для библиотечных институтов повторяются одни и те же, давно известные факты, извлеченные из трудов дореволюционных исследователей, из старых публикаций каталогов и описей монастырских библиотек XVII в.¹

Этот недостаток в самое последнее время стал восполняться работами советских историков и литературоведов, интенсивно изучающих русскую книжность XV—XVI вв. Выявляя и публикуя новые тексты, новые списки памятников русской литературы и публицистики той поры, изучая социальную среду, в которой они создавались и эволюционировали, советские историки и литературоведы закономерно подошли к вопросу, кем, как и зачем переписывались в древнерусские сборники и изборники исследуемые ими произведения. Исследователи подошли, таким образом, вплотную к изучению вопроса о создателях репертуара древнерусской рукописной книжности, заинтересовались организаторами книгописания, писцами и редакторами рукописных книг, обратились к изучению таких важных, хотя и не единственных, центров производства рукописной книги, какими были на Руси, так же как и в зарубежных странах, в средние века монастырские библиотеки.

Еще в 1904 г. акад. Н. К. Никольский, посвятивший изучению репертуара древнерусской рукописной книжности и истории древнерусских библиотек целый ряд ценнейших работ, писал: «Систематическая разработка библиотечного дела должна не только перестроить заново целые отделы истории допетровской литературы, но и отыскать нить к разысканию первоначальных текстов».² Можно, конечно, усмотреть в этом утверждении, особенно в его первой части, некоторое преувеличение, что и было отмечено в свое время акад. В. Н. Перетцем,³ но оно невольно припоминается при чтении статей Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье, опубликованных

¹ К. И. Абрамов и В. Е. Васильченко. История библиотечного дела в СССР до 1917 г. М., 1959, стр. 13—23. В новейшем учебнике по истории книги, избилующем по части истории письменности и палеографии грубейшими ошибками, о древнерусских библиотеках как центрах производства книги вообще ничего не говорится (И. Е. Баренбаум и Т. Е. Давыдова. История книги. М., 1960).

² Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. — ПДП, т. СXLVII. СПб., 1902, стр. 31.

³ В. Н. Перетц. Описи монастырских библиотек XVII в. и спорные вопросы истории древнерусской литературы. — Slavia, roč. III, seš. 2, 3. Praha, 1924, стр. 347—348.

в XVII т. ТОДРА.⁴ Оставляя на совести авторов некоторые слишком далеко идущие выводы и модернизированные формулировки, следует отметить тонкость их палеографических наблюдений, что дало возможность, особенно Я. С. Лурье, дать четкую и убеждающую картину создания исследуемых им рукописных сборников, включающих самые разнообразные по содержанию и происхождению произведения.⁵

Исследования Н. А. Казаковой и Я. С. Лурье написаны на материалах именно Кирилло-Белозерской библиотеки не случайно: «Библиотека кирилловских старцев была связана более (чем другие библиотеки того времени, — Н. Р.) прочными нитями с общественной литературой XV и XVI столетий, так как в эти века около монастыря сосредоточились нестяжатели, полемизировавшие с иосифлянами по религиозно-общественным вопросам», — писал Н. К. Никольский в цитированной уже статье.⁶ Остается лишь пожелать, чтобы современные исследователи продолжили изучение истории Кирилло-Белозерской библиотеки и ее создателей вглубь, вплоть до основателя монастыря и его библиотеки — самого Кирилла. Личность и общественно-политические взгляды последнего, несомненно отразившиеся в дальнейшей жизни монастыря и в развитии основанного им на русском севере книгописания, до сих пор остаются неясными.⁷

Предлагаемая статья имеет своей целью обратить внимание исследователей на происхождение и историю другой древнерусской монастырской библиотеки — библиотеки Соловецкого монастыря, рукописные книги которой в числе 1482 томов хранятся в Государственной публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде. Она не привлекает в настоящее время достаточного внимания исследователей, хотя в прошлом содержащиеся в ней списки памятников древнерусской историографии, литературы и публицистики много раз привлекались для изданий и исследований.⁸

Начало книгописания в русских монастырях обычно приписывалось их основателям, что чаще всего так и было: книги для своих монастырей писали Антоний и Феодосий Киевские, Сергей Радонежский, Кирилл Белозерский и др. Об основателях же Соловецкого монастыря таких сведений не имеется. Более того: об одном из двух первых обитателей далеких Соловецких островов — старце Германе биограф говорит, что он, «не умея книжного писания», житие своего «спостника» Савватия «повеле клириком своим писати». Однако это «писание ... просто бе написано: якоже сказаваше им Герман простою речию, тако они и писаша, не украшающе речи», почему после смерти Германа в монастыре «не радиша о писании том». Биограф, или по-старинному «списатель жития», Савватия далее пишет, что, живя в одной келье с Германом, «написание Германово о житии Савватия видех и держак у себе, и не един год, прочитав со многим вни-

⁴ Н. А. Казакова. Книгописная деятельность и общественно-политические взгляды Гурия Тушина. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 169—170; Я. С. Лурье. Литературная и культурно-просветительная деятельность Ефросина в конце XV в. — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 130—168.

⁵ Как убедительно показал Я. С. Лурье, Ефросин является составителем четырех сборников, хранящихся ныне в Кирилло-Белозерской библиотеке. Им собственноручно переписано значительное количество составляющих эти сборники статей; остальные статьи были им отредактированы.

⁶ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, стр. 14. По мнению современных исследователей, нестяжатели появились лишь в XVI в.

⁷ Интересно отметить, что некоторые статьи сборников, составленных Ефросином, попадают уже в книги, принадлежавших Кириллу.

⁸ По спискам Соловецкой библиотеки были впервые изданы сочинения Вассиана Патрикеева, Иосифа Волоцкого, Максима Грека, князя Курбского и многих других писателей-публицистов XVI в.

манием». Это был преемник Германа по игуменству старец Досифей — книголюб и организатор книгописания, основатель Соловецкой библиотеки.

По монастырским делам Досифей должен был отправиться в Новгород к своему епархиальному архиерею, знаменитому своей книжной и литературно-полемической деятельностью архиепископу Геннадию — постриженнику и ученику Савватия, когда последний до Соловков жил на Валааме. Заинтересовавшись рассказами Досифея о Савватии и Зосиме, Геннадий поручил ему написать их житие здесь же, в Новгороде, где архиепископ удержал соловецкого игумена, по словам последнего, «не мало лет».⁹

Это были годы интенсивной книжной деятельности группы богословов-полемистов, переводчиков, редакторов и книгописцев, объединившихся вокруг архиепископа Геннадия. Результатом деятельности этого кружка, был, как известно, первый русский полный свод библейских книг, а также целый ряд церковно-полемических памятников, привлекающих в последнее время пристальное внимание исследователей истории древнерусской общественной мысли. Деятельность геннадиевского кружка подготовила условия для работы преемника Геннадия, новгородского архиепископа, впоследствии митрополита Московского Макария — одного из основоположников русского книгопечатания.¹⁰ Здесь, в Новгороде, Досифей организовал переписку книг для своего монастыря, книг, являющихся первоначальным ядром Соловецкой библиотеки.

Сохранилось два списка этих книг, относящихся к 1493 и 1494 гг., кроме того, Досифей, как настоящий библиофил, метил свои книги особым знаком, который является, пожалуй, первым в истории русским экслибрисом.¹¹ Все это дает возможность без особого труда выявить среди рукопис-

⁹ Цитаты из Жития Зосимы и Савватия приводятся по рукописи Соловецкой библиотеки № 175 — одной из самых замечательных по своему художественному оформлению соловецких рукописных книг, происхождение которой заслуживает особого внимания историков русской книги XVII в. Как явствует из пространного послесловия, книга была создана в 1622 г. в Троице-Сергиевом монастыре иждивением его келаря старца Александра Булатникова, постриженника Соловецкого монастыря. Делали эту книгу царские мастера, специально вызванные в монастырь и привезшие с собой «книгу знаменную» из царской казны — оригинал созданной ими для Соловецкого монастыря книги. Это хранящаяся в настоящее время в ГИМе лицевая рукопись Жития Зосимы и Савватия (Вахрам. 71), относящаяся к той же художественной традиции, что и знаменитое лицевое Житие Сергия Радонежского (ныне в ГБЛ). Текст Жития Зосимы и Савватия отличается в рукописи Сол. 175 полнотой и исправностью. История написания Жития Зосимы и Савватия изображена на воспроизводимых здесь иллюстрациях соловецкой рукописи, отличающихся обилием реалий и бытовых деталей. На первой из этих миниатюр нарисован Досифей, плывущий в лодке в Новгород; последний изображен в виде группы монументальных построек, каменных стен и башни; над всем этим высятся пятиглавый Софийский собор. Внутри зданий нарисован Досифей, рассказывающий Геннадию о соловецких чудотворцах и пишущий их Житие. На другой миниатюре изображены постройки Ферапонтова монастыря, окруженные деревянной стеной; среди них — одноглавая каменная церковь; это знаменитый фресками Дионисия Рождественский собор. Внутри монастыря изображен заключенный в нем опальный митрополит Спиридон-Савва, пишущий со слов Досифея житие соловецких чудотворцев, и отдельно Досифей — крупным планом, со свитком жития в руке. (Спиридону-Савве принадлежит окончательная редакция Жития Зосимы и Савватия; об этом см.: Р. П. Дмитриева. Сказание о князьях владимирских. М.—Л., 1955, стр. 79—90).

¹⁰ А. С. Орлов. К вопросу о начале печатания в Москве. — В кн.: Иван Федоров-первопечатник. М.—Л., 1935, стр. 9—12.

¹¹ Книжный знак Досифея представляет собой круглую, почти замкнутую своими концами букву «С», внутри которой вязью продолжаются слова «...вщещеноинкоа Досифея»; перед этим знаком в большинстве случаев написано слово «имрк» (имярек).

ных книг Соловецкой библиотеки книги, принадлежавшие Досифею, что и было в свое время сделано А. И. Лиловым.¹²

Перечни книг, переписанных для Досифея в Новгороде, находятся в приписках к двум из них. Эти приписки следует привести целиком, так как они сохранили особенности стили и языка книгописцев геннадиевского кружка, а также особенности библиотечной терминологии того времени.¹³

Список 1493 г.

Написана бысть книга сия Правила святых апостол и святых отецъ при благовернем и христоролюбивем князи велицем Ивани Васильевичи всея Руси при митрополите Зосиме и при архиепископе нашем владыце Геннадии Новгородстем и при намеснике великого князя Якова Захарьича. Списажесе сия книга повелениемъ многогрешнаго и недостойнаго и худаго в иноцехъ

да книгу Маргарит,
да книгу Селивестр,
да Пчелу,
да Федора Студита,
да Козму прозвита,
да Ивана ексарха,
да Ивана Дамаскина,
да Палею,
да Василия Кесарийскаго,
да Дионисия Арепанта,
да Анастасия,
да Пророчества,

Да послал есмь книгу сню, глаголемую Крѣмчій душам, в дом святому Спасу на Соловки. А преж того лето послал есмь праздники на налой

Список 1494 г.

Написана бысть книга сия, рекомаа Устав око церковное, при благовернем и христоролюбивем князи велицем Ивани Васильевичи всея Руси и при митрополите Зосиме и при архиепископе нашем владыце Генадии Новгородстем и при намесникех великого князя Якова Захарьича и Петра Михайловича.¹⁴ Списажесе сия книга повелениемъ многогрешнаго и недостойнаго и худаго в иноцехъ имрк.

А послал есмь в дом святого храма благолепнаго Преображенна господа бога спаса нашего Исус Христа и Пречистыя божи матери и честнаго ея Успления и святого чудотворца Николы три книги, глаголемыи: устав око церковное, да Менею четкою сентябрьскую, да книгу Иоана Златоустаго. А преж того летом послал есмь книгу Правила святых апостол и святых отецъ, да Пророчества, да Маргарит, да Селивестр, да Пчелу,

¹² А. И. Лило в. Библиотека Соловецкого монастыря. — Православный собеседник. Казань, 1859, ч. 1, стр. 33—34 (перечислено 19 книг). Несмотря на категорическое заявление автора, что «кроме исчисленных ... в Соловецкой библиотеке, нет более книг, обозначенных именем Досифея», там есть еще три книги с его экслибрисом: Житие Иоанна Златоуста (№ 199), Псалтырь (№ 864/754) и Кормчая (№ 968/858). В «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 2, Казань, 1885, стр. 368, 379—380) к книгам Досифея отнесены еще части двух Четвых миней (№№ 519/500 и 522/503), хотя на них и нет его экслибриса. Однако отнесение их к рукописям Досифея вызывает сомнение, так как филигрны многих из этих листов датируются серединой XVI в.

¹³ Приписки публикуются с соблюдением некоторых особенностей их орфографии, но с раскрытием титулов, разбивкой на слова и красивые строки; перечни книг для удобства сравнения даны столбиками. Первая приписка была опубликована в статье «Послание константинопольского патриарха к русскому инокю о иноческой жизни» (Православный собеседник. Казань, 1860, ч. 1, стр. 449—450), вторая — в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 3, Казань, 1898, стр. 180—181). Приписки содержатся в рукописях: Сол. 968/858 и Сол. 1237/1128. Они сделаны разными почерками: первая — почерком одного из писцов этой книги, вторая — почерком, отличным от письма книги.

¹⁴ Названный в обеих приписках наместник великого князя Яков Захаревич Кошкин-Захарьев неоднократно упоминается в летописях; в 1488 г. на него покушались новгородцы, за что были им и великим князем в Москве «посечены и перевешаны» (ПСРЛ, т. VI. СПб., 1853, стр. 238). Имя другого наместника — Петра Михайловича в летописях не упоминается.

да Кирил Ерусалимский,
 да Шестодневъ Васильев,
 да Тръжественник постный четым,
 да Апакалипси Ивана Дамаскина,
 да плащеницу на престол.
 Вы же, преподобнии отци, иже от младых
 ногтий вдавхиси богу, и того благодатию
 укрепляеми, и от него благый нравъ
 имуще, егда коегождо человека христианина
 видевше съгрешивша, не осуждайте его, ни
 скаредуйте, ни отскочите от него, нъ по-
 крывающе и заступающе его.
 Сиде молю вы именовъ господа нашего
 Исус Христа и благодетию духа его, помо-
 зите ми молитвами вашими, егда в кых
 местех не исправил буду книг всех прежре-
 ченых скудостью разума или от многих
 утешняемъ мира сего печалми.
 Обаче, видевше преступление мое, не нало-
 жите на мене клятвы, ниже словите зло
 господа ради, но исправающе читите книги
 сея. Молю вы господие, о мне грешнемъ
 и рабе вашем сътворите молитву и ва-
 шихъ ради святыхъ молитвъ покажет мя
 свободна от грех и родства огнена и веч-
 наго избуду осуждения и радостью явлюся
 судии всех. Молю вы, молю вы, молити
 о мне грешнемъ сеяж ради вещи, да сподо-
 битъ и вас господь царствию своему, егоже
 буди всем нам получити сие благодатию и
 человеколюбиемъ господа нашего Исус
 Христа, емуже подобаетъ всяка слава,
 честь и поклоняние, и дръжава с безначал-
 ным его отцемъ и всесвятимъ, благым и жи-
 вотворящим ти духом и ныне и присно и
 в веки веком. Аминь.
 Лето ж тогда течаше 7001-е индиктион 10.
 Давшему же богу начяти сия и съвршити
 благоизволшему слава, честь и поклоня-
 ние и бесконечныя веки. Аминь.

Приведенные приписки во многом сходны, но и во многом различны между собой. Сходны они некоторыми общими формулировками, расположенными, однако, различно. Различаются они по объему и по стилю: первая приписка многословная, витиеватая, вторая короче, проще. Разностильность этих приписок не дает оснований отнести их к одному лицу; однако если фразу первой приписки «егда в кых местех не исправил буду книг всех прежреченных» отнести не только к данной книге, но и ко всем перечисленным в этой приписке, то можно предположить, что ее сочинил Досифей. Сделать же это можно, лишь считая, что Досифей сам тщательно проверил правильность написания всех заказанных им книг, что маловероятно. Стиль же и фразеология первой приписки традиционны: так всегда извинялись перед читателями за свои ошибки писцы, а не заказчики книг. Быть может, Досифей сочинил первую, бôльшую часть приписки, до перечня заказанных им книг включительно, а конец ее дописал писец от своего имени.

Последнее предположение подтверждается второй припиской, в которой отсутствует почти целиком все то, что в первой приписке следует отнести к сочинительству книгописца, но зато добавлено то, что мог сочи-

да Феодора Студита,
 да Козму превритера,
 да Иоана ексарха,
 да Ивана Дамаскина,
 да Палею,
 да Василна Кесарийскаго,
 да Деонисья Ареопагита,
 да Анастасна,
 да Кирил Ерусалимский.¹⁵
 да Шестодневъ Васильев,
 да Торжественник посный четъей,
 да Апокалиписис Иоана богослова,
 да плащаницу на престол, да праздики на
 налой.
 Лето же тогда течаше 7002-е индиктион 12.
 Давшему же богу начяти сия и съвершити
 благоизволшему слава честь и поклоняние
 в бесконечныя веки. Аминь.
 Вы же преподобнии отци, иже от младых
 ногтий вдавхиси богу, и того благодатью
 укрепляеми, и от него благый нравъ имуще,
 за любовь духовную поспештауйте ми
 в святых своих молитвах о мне к богу, да
 избавлюся от злых, гнездящихся в души
 моей, страстей, и да служба моя приатна
 будет с святыми. Аминь.¹⁶
 Тогож лета дал есми писати кнпгу
 Афанасна Ерусалимскаго,
 да Андрея Уродиваго,
 да Менею октябрьскую четьюю,
 да Менею новых чудотворцом кануны, да
 и жития събрано

¹⁵ Далее зачеркнуто «да Кормъчий душам» — другое название упомянутой уже книги («Правила святых апостол и святых отец»).

¹⁶ Написано тайнописью: «Арип».

нить лишь сам Досифей. Во второй приписке прежде всего уточняется адресовка написанных книг: здесь перечислены все три существовавшие тогда на Соловках церкви, или придела (наименование местности и населенных пунктов по находившимся в них храмам было традиционным).¹⁷ Досифей вычеркнул вписанную в перечень второй раз книгу (вычеркивание сделано теми же чернилами, которыми нарисован в тексте его экслибрис), а главное, перечислил не только написанные в 1493 и 1494 гг. книги, но и вновь им заказанные. Все это дает основание считать вторую приписку полным перечнем книг первоначального состава Соловецкой библиотеки, составленным ее основателем.

Характернейшей особенностью этого перечня является полное отсутствие в нем богослужебных книг: за исключением двух церковно-уставных сборников, это все книги внебогослужебного соборного и главным образом келейного круга чтения. И здесь следует возразить Н. К. Никольскому, считавшему богослужебные книги «первой ступенью» каждой древнерусской монастырской библиотеки.¹⁸

Богослужебные книги, которые в Соловецком монастыре в необходимом количестве имелись ранее, до Досифея (в Соловецкой библиотеке имеется несколько древних книг, приписываемых Савватию, Герману и другим основателям монастыря и его скитов), по характеру их использования и хранения нельзя считать в полном смысле слова книгами библиотечными. Эти книги хранились первоначально по церквам, в ризницах для ежедневного их употребления при богослужении, чем и ограничивалось их использование. Хранение богослужебных книг по церквам зафиксировано инвентарными описями монастырей XVI—XVII вв., так же как и существование специальной «книжной казны», находившейся обычно в «книгохранительных полатках» под присмотром ответственного лица — «книгохранителя», выдававшего их для чтения «братии по келиям» (до нас дошли такие описи имущества и библиотек Антониева-Сийского, Николо-Коряжемского и других северных монастырей и больше всего Кирило-Белозерского). Наличие богослужебных книг в монастырских библиотеках — явление позднее: когда пожертвования богослужебных книг начинали превышать потребность в них, то эти книги передавались в «книжную казну» или библиотеку, где они начинали играть роль современного резервного и обменного книжного фонда. Сюда же передавались из церкви на хранение ветхие, вышедшие из употребления книги, а когда рукописные книги было запрещено употреблять при богослужении, они все были переданы в монастырские древлехранилища и библиотеки.

Самая ранняя из Досифеевых книг — Маргарит, помеченный 1491 г. (Сол. 510/491);¹⁹ по почерку, филиграммам и переплету²⁰ к Маргариту

¹⁷ Эти же церкви или приделы перечислены в грамоте Ивана III Соловецкому монастырю 1479 г. (см.: Архим. Досифей. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря, ч. 1. М., 1836, стр. 62—63).

¹⁸ Н. К. Никольский. Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности, стр. 6.

¹⁹ Во владельческой записи на этой книге можно усмотреть зарождение книжного знака Досифея. На внутренней стороне верхней крышки переплета его рукой написано полууставом: «Написана бысть кнега сия в лето 6999 повелением имрк священо Досифея» (последние два слова — в круге, образованном большой буквой «С»). На остальных досифеевских книгах первое слово экслибриса дописано до конца («священноинок») и знак этот стоит либо в тексте приписки, согласуясь с ним в падеже (чаще всего в контексте со словом «повелением»), либо отдельно, как знак, обозначающий принадлежность книги данному лицу, — книга «священноинок Досифея».

²⁰ См. эти филиграммы: Ляхчев, Вод. зн., №№ 1169—1172; переплеты по орнаменту тиснения совершенно тождественны и отличаются только «жуками».

ближе всего церковно-полемический сборник, названный в перечне, согласно библиотечной практике того времени, по имени автора первого сочинения «Козма пресвитер» (Сол. 966/856). Кроме этого известного сочинения против богумилов, в сборнике содержатся многие антикатолические произведения, такие, как «Повесть полезна на латину когда отлучишася от грек», «Исповедание вкратце, како и коего же ради дела отлучишася от нас латина», Послание константинопольского патриарха Михаила «о ересьях латинских» и другие церковно-полемические сочинения, направленные главным образом против «опресночного служения». Здесь же перечень книг «истинных и ложных» и несколько житий, среди последних — Житие Варлаама Хутынского. На обороте 4-го листа киноварью написано: «Книгу сию взял на список владыкы — Беседа на новоявившуюся ересь, а писана на харатии и есть ей за пятьсот лет».

Приписка эта весьма многозначительна: она свидетельствует не только о том, с какой тщательностью выбирались оригиналы для заказанных Досифеем книг (выбирались наиболее древние, пергаменные рукописи), но и о близости соловецкого игумена к интересам геннадиевского кружка, охваченного в то время борьбой с «новоявившейся» в Новгороде ересью.²¹ Близость эта подтверждается и тем, что в досифеевских перечнях названы некоторые из упоминаемых в известном послании Геннадия к ростовскому архиепископу Иоасафу книги: «Селивестр», «Козма пресвитер», «Дионисий Ареопagit» и Пророчества.²² Именно эти, необходимые, по мнению Геннадия, для борьбы с жидовствующими книги разыскивал в старейших русских монастырях новгородский архиепископ. Ими решил в первую очередь снабдить свой монастырь и Досифей, хотя никаких следов «шатаний» среди малочисленной еще тогда братии отдаленного Соловецкого монастыря до сих пор не обнаружено. Не говорит ли это о том, насколько сам Досифей был увлечен антиеретической деятельностью геннадиевского кружка?

Что касается другой отмеченной особенности Досифеевых книг — древности их текстов, то она прослеживается во многих случаях. Архаизмы языка и стиля обнаруживаются и в Шестодневе Иоанна-экзарха, и в книге Кирилла Александрийского, и в книге Пророчеств, состав которой тот же, что и в знаменитом древнейшем списке Упыря Лихого, а в тексте попадаются даже глаголические буквы.

Старейший текст, текст так называемой «до-Фотиевской» редакции Номоканона, содержит кормчая, не упомянутая в Досифеевых перечнях, но отмеченная его экслибрисом (Сол. 1165/1056).²³ Среди дополнительных, русских статей в этой кормчей имеются «Правила» новгородского архиепископа Ильи и киевского митрополита Иоанна, известное «Вопрошание Кириково», Деяние Владимирского собора 1274 г. В другой кормчей, в той самой, где помещен первый из опубликованных выше перечень Досифеевых книг (Сол. 968/858), к этим статьям прибавлены послания митрополита Киприана к Сергию Радонежскому и другим русским игуменам, церковные уставы князей Владимира, Ярослава, Всеволода и, наконец,

²¹ Годы, к которым относятся древнейшие из Досифеевых книг (1491—1492 гг.), были периодом торжества Геннадия над своими противниками, преданными им гражданской казни.

²² Послание Геннадия опубликовано в кн.: Н. А. Казакова и Я. С. Лурье. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV—начала XV в. М.—Л., 1955, стр. 315—320.

²³ Известный историк церковного права А. С. Павлов установил, что эта кормчая является копией с кормчей XIII в. из Синодального собрания № 227 (ГИМ), с добавлением некоторых статей также древнего происхождения (А. С. Павлов. Первоначальный славяно-русский номоканон. Казань, 1869, стр. 29, 51—54).

Русская Правда. Здесь же «Вопрошание хотящему внити в священнический чин» и ставленная грамота архиепископа Геннадия, а в конце — его предисловие к Пасхалии (старейший из всех известных списков этого произведения). Все это отражает широту репертуара книг, бывших в обиходе при дворе новгородского архиепископа, и близость к последнему соловецкому игумена.

В приписках и записях Досифеевых книг встречаются имена и следы деятельности некоторых членов геннадиевского кружка. Так, например, на Шестодневе Севериана Гавальского имеется приписка: «А писана книга сия с Герасимова Шестодневника»; речь идет, несомненно, об архидиаконе Герасиме Поповке — правой руке Геннадия в организации книгописания, старшем брате и воспитателе известного впоследствии дипломата и переводчика Дмитрия Герасимова. В Толковом апокалипсисе, параллельно славянскому, вписан латинский текст; не автограф ли это Дмитрия Герасимова или другого известного деятеля геннадиевского кружка — доминиканца Вениамина?

В приписках к книгам, заказанным Досифеем в Новгороде, встречаются, наконец, и имена их писцов: диакона Феодора — он написал криптограммой свое имя на книгах «Пророчества» и «Дионисий Ареопagit»²⁴ — и «застенского игумена» Алексея Смолы, который для переписанного им Жития Андрея-юродивого, по его словам, «имал список с Лисей горки».²⁵

Приведенные примеры, содержащие известия о новгородских книжниках и рукописях конца XV в., дополняют новыми деталями, новыми именами сведения об организации книгописания при дворе новгородского архиепископа. К книжникам геннадиевского кружка следует причислить и Досифея, выступающего в приписках заказанных им книг не только как организатор, но и как участник книгописания. Досифеевой рукой дополнены и отредактированы послесловия и написаны вкладные на некоторых из заказанных им книг; иногда это сделано криптограммой (приписки в книге Пророчеств, вкладные на Шестодневе и Толковом апокалипсисе), иногда в текст послесловия вписан его экслибрис (в приведенных выше послесловиях — перечнях книг). В одной книге, в патристическом сборнике, названном «Торжественник постный», экслибрис Досифея вписан в центр заставки византийского стиля, выполненной красками и золотом (на этой книге имеется запись о ее продаже в 1622 г. в соседний с Соловецким монастырем Анзерский скит, среди книг которого, под № 62, она сейчас и хранится в ГПБ). При взгляде на все эти аккуратно вписанные в послесловия и заставки, нарисованные на полях книги или на месте заставок книжные знаки Досифея соловецкий игумен представляется принимающим самое непосредственное участие в изготовлении этих книг, сидящим иногда рядом с писцами заказанных им книг (некоторые из экслибрисов Досифея подкрашены теми же красками, что и заставки книг). Досифеем, несомненно, выбраны и все те произведения, которые включены в заказанные им книги. И здесь следует отметить значительную широту взглядов основателя Соловецкой библиотеки на репертуар рукописной книжности своего времени. Досифей заботился о снабжении своей братии не только переводной патристической, церковно-полемиической и

²⁴ На первом листе этой книги другим почерком помечено: «А писана книга сия с островского Дионисия Ареопagита», т. е. оригинал этой книги был взят, вероятно, из города Острова.

²⁵ Застенский, или Застенный, Георгиевский монастырь был в Старой Ладоге; на «Лисичьей горке», в 7 верстах от Новгорода, находился Лисицкий монастырь (П. М. Строев. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. СПб., 1877, стр. 98, 279).

канонической литературой, но и памятниками оригинальной русской литературы.

В этом отношении особенно показательна последняя из упомянутых в перече 1494 г. книга, озаглавленная «Минея новым чудотворцам — кануны да и жития собраны» (Сол. 537/518).²⁶ В первой части этой книги, соответственно ее названию в Досифеевом перечне, собраны службы, а во второй — жития русских святых, и в числе их новгородских и московских деятелей, живших сравнительно незадолго до составления этого сборника (Евфимия Новгородского, Сергия Радонежского, Петра, Алексия и Ионы Московских). Здесь же такие выдающиеся памятники агиографии Киевской Руси, как произведения Иакова-черноридца и летописца Нестора о князе Владимире, о Борисе и Глебе, знаменитое «Слово о законе и благодати» — древнейший список 3-й редакции этого произведения, генетически связанной с Новгородом,²⁷ и еще один знаменитый памятник новгородской литературы — Сказание о знамени от иконы Богородицы. Досифеевская «Минея новым чудотворцам» по своему составу является своеобразной энциклопедией русской агиографической и гимнологической литературы конца XV в.

Нам остается упомянуть еще о четырех книгах, не названных в перечнях Досифея, но обозначенных его экслибрисом и написанных на бумаге с водяными знаками, близкими по времени, а иногда и тождественными с филигранями перечисленных досифеевских книг. Две из них — четыре («Златая цепь» — Сол. 258 и список «исторических» библейских книг — Сол. 75), две — богослужебные: «Псалтырь» с восследованием (Сол. 864/754) и Служебник (Сол. 1133/1029). Последние, особенно Служебник, по своей графике и оформлению заметно отличаются от остальных, четырех книг: они написаны крупным полууставом, заголовки сделаны вязью, инициалы разрисованы (в Служебнике некоторые из них написаны золотом), а в начале, вместо заставки, нарисован экслибрис Досифея. Несколько необычно оформлена и «Златая цепь»: она имеет титульный лист, на котором вязью написано пространное заглавие этой книги. Что касается текстов двух четких книг, то в сборнике ветхозаветных книг текст тот же, что и в Геннадиевской Библии, а среди статей «Златой цепи» есть такие, которые могут привлечь внимание исследователей духовной публицистики конца XV в.: «Яко не подобает озлобити како человека или еретика»; «Яко молитися за нечестивыя и еретики же и еллыны и за вся грешники и не возносити себе се творящи»; «Яко не подобает учителю любити имения»; «Слово о нестяжании».

Знакомство с содержанием книг, заказанных Досифеем в Новгороде, лишний раз дает основание причислить соловецкого игумена к членам геннадиевского кружка. Он был не только организатором книгописания, но и в какой-то мере его непосредственным участником, ему были близки

²⁶ Эта книга не помечена экслибрисом Досифея, но по филиграням и почеркам близка к остальным его книгам, а на обороте последнего листа отмечено: «Написана бысть книга сия в лето 7000-е 2-е». Экслибрис мог быть утрачен при реставрации этой рукописи, следы которой особенно явственны на первых листах, где чаще всего и рисовал свой знак Досифей. На внутренней стороне верхней крышки переплета есть позднейшая скорописная запись, поврежденная при реставрации рукописи, но воспроизведенная в «Описании рукописей Соловецкого монастыря» (ч. 2, стр. 358): «Минея новым чудотворцом монастырская старая, написана на Вологде в соборниках». Если легко понять первую часть этой записи (когда она делалась, эта книга была уже «старой»), то не совсем понятна ее вторая часть: в какие «соборники на Вологде» была «написана» эта книга? Быть может, ее статьи были переписаны в Вологде в какой-то сборник и переписчик сделал при этом помету в своем оригинале?

²⁷ Подробнее об этом см.: Н. Н. Розов. Рукописная традиция «Слова о законе и благодати». — ТОДРА, т. XVII. М.—Л., 1961, стр. 48.

интересы геннадиевского кружка, его интересовали не только задачи борьбы с ересью, но, как показывают последние из названных статей, и проблема монастырского землевладения. Более тщательное изучение состава Досифеевых книг, особенно сборников, специалистами — историками русской общественной мысли даст ответ на вопрос о его общественно-политических взглядах.

Нам же остается отметить значение Досифея как основателя библиотеки Соловецкого монастыря: он дал этой библиотеке определенное направление, наметил ее профиль. Монастырская библиотека должна была, по мнению Досифея, полностью удовлетворить литературные интересы своих читателей в пределах, допускаемых уставами. Проведя «не мало лет» в Новгороде и, возможно, лишившись даже из-за долгого отсутствия игуменства,²⁸ Досифей хорошо использовал предоставившиеся ему возможности библиотеки. В книжной сокровищнице новгородского Софийского собора — второй по времени своего возникновения из русских библиотек (после библиотеки киевской Софии, основанной Ярославом Мудрым), он нашел древнейшие и лучшие списки нужных ему произведений. Среди окружавших Геннадия книжников он нашел хороших помощников в деле отбора необходимой ему литературы, нашел и хороших писцов. Все это дало возможность положить твердое основание для одной из самых знаменитых русских монастырских библиотек.

Дальнейшее комплектование Соловецкой библиотеки шло обычными для того времени путями: вклады,²⁹ покупка, переписка книг в самом монастыре, — обо всем этом свидетельствуют записи в книгах. В монастыре была «книжная палата» — скрипторий, снабжавший книгами не только свою библиотеку, но и изготавливавший книги для продажи. На некоторых книгах попадаются записи вроде следующей: «Живет в книжной палате, а пишут с нее жития в денежную казну на продажу» (Сол. 965/1074).³⁰ Писали, по досифеевской традиции, «с древних добрых переводов» (приписка на рукописи Сол. 843/735, написанной, по словам писца, «тростию»).

Многие книги поступали в Соловецкую библиотеку как выморочное имущество: среди монастырской братии было много настоящих книголюбов, собравших для себя небольшие личные библиотечки. Некоторые из этих книголюбов, подражая Досифею, метили свои книги экслибрисами: на книгах Соловецкой библиотеки находятся рукописные экслибрисы игумена Иакова, старцев Сергия и Макария; это круги, в которых вязью или просто написано имя владельца. Поэтому трудно согласиться с автором цитированной выше статьи о Соловецкой библиотеке, утверждавшим, что Досифей «был единственное лицо в истории Соловецкой библиотеки, служившее делу собирания книг, как одной из задач своей жизни».³¹

Что касается использования книг библиотеки Соловецкого монастыря, то уже в конце XVI в., когда монастырская братия умножилась, там широко практиковались такие современные виды обслуживания читателей,

²⁸ Биографические сведения о Досифее чрезвычайно скудны и почти все основаны на приписках к его книгам, да и на Житии Зосимы и Савватия. В списке иерархов и настоятелей монастырей П. М. Строева Досифей под 1503 г. обозначен как «бывший».

²⁹ Среди вкладчиков книг в Соловецкий монастырь встречаются имена Ивана Грозного, князя Дм. Пожарского, Авраамия Палицына, патриарха Никона и многих других, преимущественно духовных лиц — постриженников этого монастыря или доживавших там свой век, часто опальных.

³⁰ Этой книги в настоящее время в ГПБ нет; запись воспроизводится по публикации в статье А. И. Лилова «Библиотека Соловецкого монастыря» (стр. 211).

³¹ А. И. Л и л о в. Библиотека Соловецкого монастыря, стр. 34.

как книгообмен, абонемент — коллективный и индивидуальный, как библиотечные филиалы на местах.

Так, например, многие книги имеют пометы вроде следующих: «Казенный каноник — выдан на поддержку» (Сол. 375/355); «А писал сию книгу сам Никанор своею рукою, а выменял из казны на печатную Лествицу» (Сол. 311/291); «Книга Ефрем Сирийский и десть писменный монастырский. Живет в больнице» (Сол. 170); «Сия книга дается на прочтение в братскую больницу» (Сол. 926/816); «Живет в поварне» и т. п. В XVI и XVII вв. книга вообще была широко распространена среди обитателей далеких Соловецких островов: среди владельческих записей — а они есть почти на каждой книге — попадаются имена не только игуменов, монастырских старцев и других представителей монашеской «верхушки», но и рядовых монахов — клирошан, келейников, послушников и даже монастырских крестьян и ремесленников (сторожа «Ивашки Иларионова сына Вережкина», «Петра, Павлова сына кожевника», Никифора кузнеца и др.).

Таково было, в самых кратких чертах, состояние Соловецкой библиотеки через сто лет после ее основания. Так развилась в далеком Соловецком монастыре традиция книгописания, основанная учеником новгородской книгописной школы, членом геннадиевского кружка — игуменом Досифеем. Широта репертуара книг этой монастырской библиотеки — свойство, приданное ей основателем, — а также интенсивность комплектования, значительный размах и тщательность книгописания обусловили сохранение на Соловках многих древнейших списков памятников древнерусской письменности.
